

Научная статья
УДК 94(47).081
DOI 10.37724/RSU.2021.71.2.006

В цепи Великих реформ: казенная деревня на переломе (Чигиринский уезд, Киевская губерния)

Виктор Яковлевич Мауль

Тюменский индустриальный университет, Нижневартовск, Россия
VYMaul@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности проведения крестьянской реформы на Правобережной Украине в 1860–1870-х годах. В центре внимания реформа государственной деревни Киевской губернии, условия проведения которой вызвали недовольство бывших казенных крестьян. Объектом исследования является Чигиринский уезд Киевской губернии, где в течение десяти лет происходили непрерывные волнения местного населения против подворного наделения земель и высоких денежных налогов. Предметом исследования является анализ механизма наделения чигиринских крестьян землей, установления оброчной подати и выкупных платежей. Отмечается, что в ходе борьбы крестьянская беднота отстаивала систему подушного землепользования как более справедливую. Происходившие события осмысливались их участниками в рамках народного монархического сознания. Крестьяне считали, что настоящий царский указ скрывается чиновниками и священниками. Протест бывших казенных крестьян Чигиринского уезда — доказательство несовершенства аграрного законодательства самодержавия в пореформенный период.

Ключевые слова: государственные крестьяне, Киевская губерния, крепостное право, крестьянская реформа, Чигиринский уезд.

Для цитирования: Мауль В. Я. В цепи Великих реформ: казенная деревня на переломе (Чигиринский уезд, Киевская губерния) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2021. № 2 (71). С. 56–68. DOI: [10.37724/RSU.2021.71.2.006](https://doi.org/10.37724/RSU.2021.71.2.006).

Original article

The Great Reforms: a State Village in a Time of Change (Chigirino Uezd, Kiev Province)

Viktor Ya. Maul

Tyumen Industrial University, Nizhnevartovsk, Russia
VYMaul@mail.ru

Abstract. The article treats the peculiarities of peasant reform implementation in Right-Bank Ukraine in the 1860s–1870s. The article focuses on the indignation provoked by the reform in former state peasants dwelling in state villages of the Kiev province. The subject of the research is the Chigirino uezd of the Kiev province where local people revolted against unequal land distribution on per household basis and inequitable taxation. The object of the research is the analysis of the mechanisms of land reforms and tax reforms. The article maintains that poor peasants demanded that land should be distributed on an equal per capita basis not on per household basis. The participants of the events viewed them through the prism of monarchical ideology. Peasants believed that the tsar's true orders were concealed by statesmen and priests. The revolt of state peasants of the Chigirino uezd underlined the imperfections of the agrarian legislation in the post-reform era.

Keywords: state peasants, Kiev province, serfdom law, peasant reform, Chigirino uezd.

For citation: Maul V. Ya. The Great Reforms: a State Village in a Time of Change (Chigirino Uezd, Kiev Province). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin.* 2021; 2 (71):56–68. (In Russ.). DOI: [10.37724/RSU.2021.71.2.006](https://doi.org/10.37724/RSU.2021.71.2.006).

Введение

Историография Великих реформ в России насчитывает огромное количество научных работ, значительная часть из которых посвящена отмене крепостного права согласно объявленному манифесту 19 февраля 1861 года. Однако, по признанию историков, в сравнении «с освобождением около 20 млн помещичьих крестьян, реформам государственной деревни сначала в 1866, а затем в 1886 г., касавшимся почти такого же количества крестьян казенных, незаслуженно уделяется гораздо меньше внимания» [Христофоров, 2011, с. 93]. В этой связи цель статьи заключается в изучении особенностей крестьянской реформы в казенных имениях на примере Чигиринского уезда Киевской губернии, события в котором в свое время привлекали внимание широкой общественности и правящих кругов, но почти не становились объектом специальных научных исследований [Пойда, 1960 ; Зайончковский, 1968 ; Лещенко, 1970 ; Литвак, 1991 ; Присяжнюк, 1997 ; Терехова, 2016 ; и др.].

Основная часть

Положение казенной деревни в целом всегда признавалось лучшим на фоне частновладельческого беспредела. Главное отличие заключалось в юридической свободе государственных крестьян, то есть отсутствии зависимости от конкретного господина и крепостного права в привычном его понимании со всеми вытекающими отсюда последствиями. По этой причине казенные землепашцы полагали себя собственно царевыми людьми, но с 1837 года ситуация для них изменилась: на место своеобразного коллективного помещика пришло специально созданное Министерство государственных имуществ. Задачей этого министерства объявлялось попечительство над подведомственным сельским населением: «Вводя порядок, сообразный с тогдашнюю степенью гражданского и нравственного быта крестьян, попечительство должно было ограждать их от неправильных и нередко притеснительных действий ближних к ним сельских и полицейских начальств и постепенно направлять к нравственному и хозяйственному улучшению» [Историческое обозрение ... , 1888, с. 7]. Реакция самих опекаемых на министерскую заботу красноречиво выразилась лавиной бурных протестов против покушения на идеализируемую старину, которая в традиционном сознании его носителей мыслилась как благословенное время единения государя со своим народом. Ставшее привычным истолкование общественной стратификации всегда «облегчало решимость крестьян выступать в защиту своих интересов» [Литвак, 1989, с. 186–187]. Заподозрив, будто перемены связаны с их незаконной продажей в удел министру П. Д. Киселеву, крестьяне пришли к выводу, «что царь был против продажи и что имеется особый царский указ с золотой строчкой, который скрыли ненавистные начальники» [Дружинин, 1958, с. 477], и действовали, исходя из этого очевидного для себя умозаключения, повсеместно требуя предъявить такую бумагу «в удостоверение того, что продажа их не состоялась, и все они остаются государственными» [Там же, с. 478].

Так было в недалеком прошлом. Теперь же, после 24 ноября 1866 года, упомянутое попечительство и вовсе формально отменялось; «с окончанием поземельного устройства, казалось, непосредственная связь ведомства с земледельческим населением могла прекратиться» [Сельскохозяйственное ведомство ... , 1914, с. 397]. Вслед за губерниями великороссийскими, малороссийскими и новороссийскими Высочайший указ от 16 мая 1867 года определил правила поземельного устройства государственных крестьян в 9 западных губерниях, в том числе на Правобережной Украине: «Ныне МЫ признали своевременным принять меры к поземельному устройству государственных крестьян в губерниях западных и с этою целию, применив к ним начала, указанные НАМИ для устройства в тех же губерниях бывших помещичьих крестьян, предоставить им в собственность земли и угодья их надела и заменить вносимую ими ныне оброчную подать срочными выкупными платежами» [Сборник постановлений ... , 1868, с. 5]. Устанавливалось, что платежи будут взиматься «в постоянном и неизменном размере, по 1-е января 1913 года, после какового срока взимание сих выкупных платежей прекращается» [Там же, с. 8].

Для проведения аграрных преобразований создавались люстрационные комиссии, которые под наблюдением и руководством Министерства государственных имуществ должны были определить границы «предоставляемого в собственность крестьян надела и размер причитающихся с них ежегодных платежей» [Сборник постановлений ... , 1868, с. 6]. В случае же необходимости разрешались «как прирезки к крестьянскому наделу из запасных и других свободных казенных земель, так и обмены крестьянских земель на казенные земли, но с тем, чтобы общее количество предоставляемых во владение каждого селения земель не было уменьшаемо против существующего

надела» [Там же]. По итогам комплексного межевания люстраторам вменялось в обязанность составить и в присутствии мировых посредников предъявить крестьянам и утвердить люстрационные акты. В интересующей нас Киевской губернии для завершения намеченных работ отводился 6-летний срок [Там же, с. 7]. Широкие полномочия членов люстрационных комиссий уже на стадии обсуждения вызвали оправдавшиеся потом опасения части «просвещенных бюрократов», что контроль над реформой «попадет в руки ненадежных и коррумпированных исполнителей на местах и пристрастных руководителей в центре» [Христофоров, 2011, с. 97].

Указы 1866–1867 годов, конкретизированные ведомственными распоряжениями и инструкциями, закрепили не только общие основы политики в государственной деревне, но и пути их реализации в западных губерниях Российской империи с учетом национальной и исторической специфики данных регионов. По мнению Мирьи Лекке, «с идеологической точки зрения русской метрополии Малороссия и Белороссия не являлись колониями, они считались полностью “внутренними” областями. Однако на уровне реальных административных и цивилизаторских практик государственные бюрократы были вынуждены обращаться с этими областями иначе, чем с великорусскими. Этому способствовали влияние польских магнатов и многонациональная и мультиконфессиональная ситуация» [Лекке, 2012, с. 558]. В частности, генерал-губернатор юго-западного края А. М. Дондуков-Корсаков «столкнулся с проблемой взаимоотношений старой, польской нации, и новой, украинской. С целью ее решения он отказался от жесткого курса своего предшественника. Политика нового генерал-губернатора была более гибкой и взвешенной, ведь благодаря реформам Александра II модернизировалась и сама империя, русификация определялась уже не только политической, но и социально-экономической политикой правительства» (Пер. наш. — В. М.) [Шандра, 2005, с. 304–305]. Занимая свой высокий пост с 1869 по 1878 год, он «продолжил деполонизацию края, считая, что, прежде всего, следует укрепить авторитет власти, особенно среди крестьянства, отдавая предпочтение российским землевладельцам перед польскими» (Пер. наш. — В. М.) [Там же, с. 305]¹.

В силу господства польского элемента среди дворян Правобережной Украины, правительство «всегда было склонно поддерживать и культивировать преданность крепостного населения православию и русскому царю». Поэтому ныне, как и раньше, по отношению к киевским крестьянам рекомендовались «до конца мягкость, терпимость к заблуждениям», чтобы «военная сила употреблялась лишь в крайних случаях», и столь удивительная для великороссийского пахаря толерантность объявлялась здесь «непременной волею государя» [Игнатович, 1911, с. 58–59].

Впрочем новая реформа государственной деревни не вызвала энтузиазма казенных землепашцев, и даже совсем наоборот — практически повсеместно привела к росту массового недовольства [Крестьянское движение ... , 1931]. Как бывало всегда во времена смут и беспорядков, обострившиеся монархические чувства борцов сразу реанимировали прежние подозрения, что паны и священники — главные враги царя, а значит народа, и несут угрозу священному союзу владельца трона со своими рядовыми подданными. В отчете Третьего отделения Императорской канцелярии за 1869 год есть сведения о распространенном среди крестьян юго-западного края слухе, «что тамошний митрополит имел намерение отравить ваше величество, подмешав яд к св. причастию, и что при обнаружении этого митрополит осужден к четвертованию; в Харьковской губ. говорили, что на жизнь вашего величества покушались сенаторы, вследствие выраженной им высочайшей воли увеличить земельный надел крестьянам» [Там же, с. 152].

Одним из самых жарких очагов неповиновения стал Чигиринский уезд Киевской губернии, где народное движение характеризовалось «массовостью, упорством и продолжительностью», а также тем, «что здесь проявились все формы крестьянской борьбы за землю — жалобы, прошения и требования крестьян, бойкот государства невыплатой выкупных платежей и налогов, неподчинение местным властям, сопротивление полиции и войскам, переход на нелегальное положение и создание подпольной организации, заготовка оружия и подготовка к вооруженному восстанию» [Пойда, 1960, с. 196].

---

¹ «На Правобережжі О. М. Дондуков-Корсаков зіткнувся з проблемою взаємовідносин старої, польської нації, й нової, української. З метою її розв'язання він відмовився від жорсткого курсу свого попередника. Політика нового генерал-губернатора була більш гнучкою й виваженою, адже завдяки реформам Олександра II модернізувалася й сама імперія, зросійщення визначалося вже не тільки політичною, а й соціально-економічною політикою уряду... Генерал-губернатор, продовжив деполонізацію краю, вважаючи, що насамперед слід зміцнити авторитет влади, особливо серед селянства, надаючи перевагу російським землевласникам перед польськими» [Шандра, 2005, с. 304–305].

Земли уезда, в незапамятные времена бывшие в собственности польской короны, потом управлявшиеся российскими военными под присмотром Киевской казенной палаты, лишь с 1839 года поступили в ведение Министерства государственных имуществ [Терехова, 2016, с. 66] и теперь превращались в арену очередных аграрных экспериментов. «Уже в самом начале введения в действие упомянутого высочайшего указа начиная с 1868 г., — отмечалось в сенатском документе, — между крестьянами Чигиринского уезда произошел целый ряд волнений, в коих выразилось стремление к изменению поземельного устройства, установленного высочайшею волею» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477. Л. 109 об]. Акцентируя историко-генетические корни вспыхнувшего протеста, киевский губернатор Н. П. Гессе на основе личного знакомства дал чигиринцам емкую характеристику: «Потомки некогда выходцев из-за Днепра, принадлежавших к казачьему сословию, они сохранили буйный оттенок в своем характере, мало уважительны, смелы в ответах и до крайности упорны» [Матеріали ... , 1934, с. 80]. Современный историк подтверждает, что одно только слово «Чигирин» «моментально порождает в воображении каждого образованного украинца целый ассоциативный ряд: казацкие восстания, гетманщина, Богдан Хмельницкий, Иван Выговский, Петр Дорошенко, Руина, чигиринские походы, гайдамаки»² (Пер. наш. — В. М.) [Мицик, 2007, с. 6].

Связанные с проводившейся земельной реформой XIX века начавшиеся крестьянские беспорядки продолжались на протяжении почти целого десятилетия, поскольку упорства их участникам было не занимать, да и причины, вызвавшие к жизни сопротивление, не устранялись правящими кругами, а более того, усугублялись силовым принуждением к принятию неприемлемых для крестьян условий. В первую очередь чигиринскую бедноту не устраивало навязываемое ей наследственное участковое (подворное) землевладение, игнорировавшее количество людей в каждом конкретном дворе. Оспаривая крестьянские требования, Дондуков-Корсаков пускал в ход исторические козыри: «Обычай подворного пользования существовал в здешнем крае изстари, — писал он министру А. А. Зеленому, — о душевом пользовании, о переделах земель, подобно великороссийским губерниям, никогда не было и речи. Мнение, что будто бы здесь в давние времена существовало общинное пользование землями, есть типичная неоснованная догадка и опровергается всеми историческими сведениями и документами. Участки, бывшие в подворном пользовании, назывались батьковщиною и дедовщиною и переходили от отца к сыну» [Матеріали ... , 1934, с. 21]. В противовес пристрастным экскурсам в прошлое крестьяне прагматично отстаивали подушный принцип и выявляли серьезные недостатки в правительственном подходе. Они указывали, что «подворный надел как самый неравномерный довел бы одних до нищеты, других же обогатил бы. Например, для двора, в котором две ревизские души, очень выгодно принять надел в 10 дес., но те же 10 дес. для двора, в котором 10 душ, не доставили бы даже насущного куска хлеба. <...> При душевом наделе этого случиться не может, потому что на каждую душу будет отведено одинаковое количество земли» [Крестьянское движение ... , 1968, с. 139–140]. Иными словами, от участковой разверстки выигрывали немногочисленные владельцы малолюдных дворов, согласившиеся с результатами люстраций («актовики»), но проигрывало основное трудовое население уезда («душевики»), о чем и сигнализировали властям, отказываясь принимать люстрационные акты в том виде, как те были составлены.

В пользу крестьянских резонов говорит беспристрастная статистика по Чигиринскому уезду: из 21 496 числившихся там ревизских душ наделом до 3 дес. включительно владели 12 662 домохозяина (≈ 59 %), в том числе большая часть (6630) пользовалась малыми участками от 2 до 2,5 дес., а 404 души и вовсе мизерными — от 1 до 1,5 дес.; землей от 3 до 5 дес. владели 4903 души, из них около 2/3 имели до 4 дес., у оставшихся доходило до 5 дес. В то же время хозяева относительно больших наделов от 5 до 15 дес. составляли лишь 3931 ревизскую душу (≈ 18 %), из которых примерно половина владела участками посромнее — от 6 до 7 дес., и только 231 человек с наделами от 10 до 15 дес. могли считать себя настоящими уездными кулаками [Статистика ... , 1884, с. 135].

Кроме того, крестьян возмущало отсутствие взаимосвязи между участковым способом наделения землей и подушным характером взимания податей. Это была продуманная верхами система выкачивания денежных средств для наполнения казны, при которой полевая земля в

---

² «Слово "Чигирин" миттєво породжує в уяві кожного освіченого українця цілий асоціативний ряд: козацькі повстання, гетьманщина, Богдан Хмельницький, Іван Виговський, Петро Дорошенко, Руїна, чигиринські походи, гайдамаки» [Мицик, 2007, с. 6].

Чигиринском уезде нарезалась на участки без учета количества душ, а платежи начислялись именно по душевому раскладу. Только под прессом народного недовольства местное руководство, вслед за министром, признало такой порядок единственным, основательным со стороны крестьян поводом «домогаться передела земель по душам» [Матеріали ... , 1934, с. 25]. Начальник Киевской люстрационной комиссии Труль отмечал, что размер всех сборов в уезде «составляет 3 р. 73 $\frac{3}{4}$ коп. с души (государственной подушной подати 1 р. 93 к., общественного сбора 25 $\frac{1}{2}$ к., на содержание училищ 7 $\frac{3}{4}$ к., земских сборов: государственных 1 р. 44 $\frac{1}{2}$ к. и губернских 3 к.), а по раскладке за совершенную несостоятельностью некоторых крестьян, отдачею в рекруты, за смертью и бродяжничеством размер этот для остальных наличных домохозяев доходит нередко до 5 руб. с души» [Там же, с. 18].

Прибегнем к нехитрой арифметике на примере уроженца села Мордва Ивана Пискового — будущего вожака «Чигиринского заговора» [Мауль, 2017а, с. 80–81]. При наличии 6 ревизских душ в семье и наделе «всего в одну десятину» он должен был бы ежегодно платить в казну огромную для себя сумму 26,88 руб. (3 р. 73 $\frac{3}{4}$ коп. $\times$ 6) или 30 руб. (5 руб. $\times$ 6), каковую никак не мог выработать с имевшегося крохотного участка [Матеріали ... , 1934, с. 240]³. Для сравнения: его соратник по заговору, житель села Шабельники Лазарь Тененик, при равном размере полевого надела имел в семье 5 ревизских душ, а потому у него выходила меньшая, но немаленькая сумма сборов 22,4 (3 р. 73 $\frac{3}{4}$ коп. $\times$ 5) или в худшем случае 25 руб. (5 руб. $\times$ 5) [ЦДІАК України. Ф. 127. Оп. 1012. Д. 3001. Л. 635 об. – 636 ; Мауль, 2017б, с. 8]. Сам люстрационный чиновник привел другой потрясающий пример, когда «вовсе безземельный крестьянин, имеющий, однако, 4 души, одних подушных сборов обязан платить около 20 руб., что равняется уже местной наемной плате годового работника, и если к тому у крестьянина этого все дети малолетние, которые сами не в состоянии ничего добыть своим трудом, то положение такого крестьянина, обязанного кормить свою семью, становится до крайности тяжелым» [Матеріали ... , 1934, с. 19]. При реализации же предложенного сельским обществом подушного землепользования тот же безземельный крестьянин получил бы «не менее 12 десятин земли, от коих он, даже при отдаче в наймы, может выручить, за уплатою поземельного оброка и всех подушных денежных сборов, чистого дохода около 12 руб., необходимых ему на содержание семейства» [Там же]. Надо заметить, что начальник комиссии знал, о чем говорил, а не просто фантазировал ради нагнетания страстей. Вместо безымянных абстракций, он вполне мог бы сослаться на горькие признания отставного унтер-офицера Ефима Олейника, вскоре ставшего атаманом «Тайной дружины» и крестьянским лидером «Чигиринского заговора»: «имею свой дом и 2 десятины земли усадебной, а полевой земли у меня нет, женат, имею двух детей» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 572].

С окончанием люстрационных работ и вступлением в силу люстрационных актов в казенной чигиринской деревне должна была начаться «принудительная приватизация» [Дунаева, 2009, с. 148], то есть переход на обязательный выкуп. «Для определения причитающихся с крестьян ежегодных выкупных платежей исчисленная люстрационными комиссиями ежегодная оброчная подать, по надлежащем утверждении оной, увеличивается на 1/10 часть» [Сборник постановлений ... , 1868, с. 6–7]. В нашем случае оброк составлял 1,93 руб. с ревизской души. Семья Писковых из 6 душ должна была платить ежегодно 11,58 руб. (1,93 $\times$ 6) оброчной подати. При ее увеличении на 10 % ежегодные выплаты вплоть до наступления условленной даты составят 12,74 руб. Промежуток времени до 1913 года составлял 45 лет. Чтобы узнать весь размер выкупной стоимости, умножим годовой платеж на 45 лет: 12,74 $\times$ 45 = 573,3 руб.

Сумма регулярного выкупного взноса оставалась неизменной на всем протяжении срока выплат при любых колебаниях в финансовой системе. С прочими обязательными платежами было сложнее, на них динамика денежного рынка вполне могла и должна была влиять, но на тот момент их размер нам известен:

3,73 $\frac{3}{4}$ коп. с души — 1,93 руб. государственной подушной подати,
переведенной в оброк $\approx$ 1,81 руб. $\times$ 6 душ = 10,86 руб.

Прибавляем вычисленный выкупной платеж: 10,86 + 12,74 = 23,6 руб.

---

³ В опубликованном источнике указана неверная цифра 13 душ. Фактически в семье Писковых было 11 едоков, в том числе 6 ревизских душ, он сам и сыновья Зиновий, Никита, Иуда, Никифор, Иов [НАРС (Я). Ф. 12. Оп. 15. Д. 61. Л. 15].

Итого: при переходе на выкуп семья Писковых (подобно своим землякам-чигиринцам) при благоприятном раскладе могла бы немного сэкономить по сравнению с текущими ежегодными налогами: $26,88 - 23,6 = 3,28$ руб.

Но едва ли столь мизерная выгода могла разрешить вопрос об источниках уплаты всей огромной суммы при наличии у Писковых имеющегося пахотного участка так же, как у большинства крестьян, объявленных теперь собственниками. К сказанному добавлялось стремление правительства любыми путями выбить накопившиеся за прошлые годы задолженности, пока в столице и губернии обсуждалась мера возможных уступок, а крестьяне до прояснения обстановки не спешили исполнять повинности. Чигиринский уездный исправник М. В. Панкевич докладывал, что крестьяне «везде уклоняются от платежа начисленных на них в конце октября 1874 г. в сумме 19 492 руб. 34 $\frac{1}{4}$ коп. выкупных платежей, через каковую уклончивость, платежей сих к 1 марта осталось в недоимке 11 175 руб. 17 коп.» [Материалы ... , 1934, с. 28]. Даже с учетом дополнительных сезонных заработков, ради которых чигиринские крестьяне из года в год отправлялись в соседнюю Херсонскую губернию, где «в имениях помещиков ощущался постоянно недостаток в рабочих силах» [ГАРФ. Ф. 109 (3-я экспедиция, 1875 г.). Д. 144. Л. 21], вырученные средства не давали им ни единого шанса осилить кабальную податную нагрузку. Поэтому дальнейшее лоббирование участковой системы, не решая вопроса по существу, только усугубляло антагонизм «актовиков» с «душевиками» и ожесточало упорство последних, так что голос «неразделяющих этого взгляда хозяев, дороживших своими наследственными участками, подавлялся большинством, которое считало себя вправе заставить несогласных подчиниться приговору схода» [Материалы ... , 1934, с. 25–26]. По признанию упомянутого Труля, все его разъяснения, «что переход от участкового к душевому способу владения землею существующими законоположениями не дозволяется, как нарушающий права собственности отдельных домохозяев — не могли отклонить крестьян от такого домогательства, составляющего, по отзыву их, самый жизненный для них вопрос» [Там же, с. 17–18].

Искажая неизбежную боль крестьянской безысходности и реальную суть их предложений, чиновники всех уровней приписывали крестьянам желания, которых те вовсе не испытывали, например, «перейти с участкового к общинному способу владения землею» [ГАРФ. Ф. 109 (3-я экспедиция, 1875 г.). Д. 144. Л. 9]. Генерал-губернатор с напыщенным видом премудрого мыслителя витийствовал, будто нет ничего «вреднее поголовного уравниения земель и повинностей между всеми крестьянами. При такой всеобщей нивелировке полагаются непреодолимые преграды людям, одаренным от природы способностями, радушным и трудолюбивым выбиться из общего уровня посредственности» [Материалы ... , 1934, с. 22]. При этом вельможа не хотел замечать противоречий в своих силлогизмах, что упорствующие жители стояли не за «поголовное уравниение», а за подушный принцип распределения, позволивший бы Олейнику получить в собственность около 12 дес., семье Тененика — более 15, а семье Писковых — почти 18 дес. земли, худо-бедно дававших возможность свести концы с концами. И напротив, превозносимый генерал-губернатором «радушный и трудолюбивый» пахарь вряд ли сумел бы выбиться из «общего уровня посредственности», имея, подобно Писковых, надел в одну десятину.

Завуалированным принуждением чигиринцев к подворным участкам пронизано Положение Главного комитета об устройстве сельского состояния от 28 мая 1870 года. Изображая видимость уступки крестьянским требованиям, документ, принятый после совещания по чигиринским делам, и впрямь разрешал душевое распределение, но только в следующих случаях: 1) заставлял «душевиков» организоваться в общины, 2) запрещал им самостоятельно распоряжаться переданным в общее владение наделом и 3) отказывал в дополнительной прирезке земли общинникам. Однако в то же время участковым крестьянам щедрые прирезки широко практиковались [ГАРФ. Ф. 109 (3-я экспедиция, 1875 г.). Д. 144. Л. 10–10 об]. Можно не сомневаться, что ответственные инстанции твердо гнули свою линию для того, чтобы убедить бурлящий уезд в невыгодности общинного владения и таким образом склонить к принятию люстрационных актов, условия которых в недалекой перспективе вели к разорению селян и массовому оттоку из деревни свободных рабочих рук. Это приведет к тому, что в ближайшие десятилетия на карте страны появятся основанные выходцами из Чигиринского уезда хутор Чигиринка в Донецком округе Донской области, в 1894 году одноименный хутор в Нижне-Ольховской волости, в 1900 — хутор Новочигиринский в Верхне-Макеевской волости. Часть переселенцев «отправлялась дальше на восток страны, в Западную Сибирь. Так, в 1911 году появились две Чигиринки в Томской губернии» [Орленко, 2018, с. 4].

В данный же момент среди прочих мер воздействия на недовольных крестьян рекомендовался арест крестьянских лидеров и отправка их в административном порядке «на жительство в Ковельский уезд Волынской губернии, отличающийся непроизводительностью почвы, дабы они увидели неблагоприятные условия жизни крестьян этой местности и покаются в своем заблуждении» [ГАРФ. Ф. 109 (3-я экспедиция, 1875 г.). Д. 144. Л. 35 об]. Жандармский генерал А. С. Павлов очень верно заметил, что такой «оборот дела крестьян Киевской губернии, не сочувствующих вовсе общинному владению как совершенно для них чуждому и непонятному, — до крайности их озадачил» [Там же. Л. 22]. Безусловно, «душевикам» было от чего прийти в отчаяние. По оценке киевского губернатора, они хотели «не общинного владения, а душевого наследственного (или, другими словами, того же участкового), но который был бы отведен через казенных землемеров каждому хозяину на ревизскую душу» [Материалы ... , 1934, с. 59]. Но такую возможность реформаторы категорически отвергли, хотя она могла бы стать основой для полноценного компромисса, по поводу которого обеим сторонам реально было договариваться об условиях, даже при отсутствии в уезде достаточного фонда свободных земель.

Не желавшему конструктивного диалога руководству, вместо признания собственных ошибок, удобнее было культивировать образ внешнего врага, будто бы повинного в упрямстве протестующих. Дондуков-Корсаков докладывал в Петербург: «Все это домогательство о душевом наделе и переделе земель, нелепо понимаемое крестьянами и под которым скрывается тайная мысль получить откуда-нибудь землю таким людям, которые теперь земель не имеют, возникло по всей вероятности не в среде самих крестьян, а нашептано извне» [Материалы ... , 1934, с. 22–23]. Роль подстрекателя поочередно примеривали, то на крестьянского активиста Ф. Д. Прядко [Терехова, 2013], то на безобидного сельского учителя И. Н. Фролова [Милевский, 2016], иной раз на каких-то анонимных «лиц известного революционного направления» [ГАРФ. Ф. 109 (3-я экспедиция, 1877 г.). Д. 262. Ч. 2. Л. 2]. Хотя в воображении властей эти подозрения изрядно преувеличивались, события на Чигиринщине действительно вызвали интерес в революционном лагере. Видный участник «хождения в народ» Я. В. Стефанович вспоминал, что он «узнал из эмиграционной прессы об аграрных волнениях крестьян в Чигиринском уезде» и такая актуальная информация немедленно вызвала желание «принять личное участие в крестьянском бунте» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 475. Л. 442]. Как известно, вскоре он попытался воплотить свои замыслы на практике, организовав знаменитый «Чигиринский заговор» [Терехова, 2016 ; Мауль, 2017в ; Милевский, Терехова, 2020].

Вопреки звучащим обвинениям в непонимании крестьянами изданных законоположений, они достаточно хорошо в них разобрались. Только не могли уразуметь, почему деревенское хозяйство нужно обустроить таким нелепым образом, обрекая массу рядовых хлебопашцев на голод и нищету. И конечно, не готовы были мириться с несправедливостью в контексте естественных для себя монархических взглядов, объясняя ее злонамеренными кознями панов, чиновников и попов, действующих вопреки воле венценосца. Традиционный иррационализм, вкупе с трудовой этикой, подсказывал чигиринцам, что в настоящем царском указе «с вызолоченными словами и такою же печатью» [ГАРФ. Ф. 109 (3-я экспедиция, 1877 г.). Д. 262. Ч. 1. Л. 131 об] должно было говориться «о дополнении земельного надела до размера пяти десятин на ревизскую душу, по примеру крестьян близко граничащих с ними Херсонской губернии и бывших крестьян военных поселений в Киевской губернии» [Там же. Д. 144. Л. 22]. Насколько значимой для «душевиков» была корпоративная солидарность, помимо прочего, показывает пример жителя села Мордва Феодосия Чепурного, ставшего одним из заметных чигиринских вольнодумцев [Мауль, 2020]. По его признанию, он разделял совместное намерение «подать прошение государю императору о наделе крестьян землею, хотя сам лично имел 15 десятин, он и не желал иного передела» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477. Л. 85].

Я. В. Стефанович, уже успевший примерить на себя образ «царского комиссара», дал грамотный анализ донельзя запутанной ситуации, сложившейся в уезде: «Крестьяне хотят подушного раздела земли, прекрасно понимая, что при участковой, или подворной разверстке, когда известное количество земли не приурочивается к рабочим силам двора, для них нет никакой выгоды; не признают законным ни поземельного ни других налогов, кроме государственной подушной подати. Они глубоко убеждены, что их пониманию своих интересов вполне соответствуют указы государя, только применяются они [указы] властями по-своему, о чем государю неизвестно, так как дворяне не допускают к нему крестьян, а министр и сам наследник стоят за выгоды дворянства» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 475. Л. 442 – 442 об]. Надо признать, что в такой интерпретации чувствуется железная логика, пусть и выдержанная в смысловых императивах традиционного мировидения, а потому не понятная власть имущим. Например, на сельском сходе в Чаплинской волости один из присутствовавших озадачил киевского губернатора заявлением, «что не

может быть, чтобы государь император продавал государственную землю крестьянам, и что нельзя допустить, чтобы государь настолько нуждался в грошах» [Материалы ... , 1934, с. 73].

Дальнейшее обострение конфликта обуславливалось нарастанием взаимного отчуждения и отсутствием готовности слушать друг друга. Поскольку требования «о наделе их 5 десятинами на душу не встречали никакой поддержки у местных властей, то бывшие государственные крестьяне Чигиринского уезда решили искать защиты у царя» [Пойда, 1960, с. 208], а до тех пор, дожидаясь возвращения ходоков с царской санкцией, категорически отказались платить денежные налоги. Принудить непокорных хлебопашцев к повиновению не смогли никакие увещания уездного и губернского начальства. Крестьяне не верили их речам, поскольку те противоречили реальным результатам деятельности люстрационных комиссий. Обремененные властью ораторы цинично обвиняли протестующих чигиринцев в «распространении всевозможных нелепых слухов» и «ложных сведений о действиях разных должностных лиц, принимавших какое-либо участие в исполнении земельной люстрации» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477. Л. 69]. Между тем проведенное дознание подтвердило правоту крестьян, выявив системные нарушения, допущенные при явной или негласной поддержке со стороны администрации. Показательно, что нарушения не имели под собой никакого экономического обоснования и зависели только от личного усмотрения люстраторов. Председатель Черкасско-Чигиринского съезда мировых посредников Стааль по итогам проверки удостоверился, что «платежи по актам против прежних возвысились от 20 до 60 %, тогда как удобной земли в действительности большей части селений вовсе не прибавили, а только по люстрационным актам показывали прирезки удобных земель, которые в действительности пополняли из песков, болот, пастбищ, необложенных платежом по прежней люстрации, и из лесных песчаных срубков» [Материалы ... , 1934, с. 89]. Например, на всю Липовскую волость удобной земли добавили 15,5 дес., малоудобной 180 дес., зато денежные платежи выросли с 3939 руб. 97 коп. до 6390 руб. 64 коп., то есть на 2450 р. 67 коп. Напомню, что эти произвольно завышенные суммы вскоре должны были лечь в основу расчета выкупных платежей на 45 лет. Вопиющие должностные проступки люстраторов подвели проверяющих к неизбежному прогнозу, что все это «несомненно приведет к неоплатным недоимкам» [Там же].

Помимо прочего, ревизия обнаружила масштабный характер «пристрастного действия люстрационных чиновников в пользу более зажиточных крестьян» [ГАРФ. Ф. 109 (3-я экспедиция, 1875 г.). Д. 144. Л. 23 об]. В Шабельницкой волости (как и в других) хозяевам, «которые имели достаточные наделы, еще добавлено земли несоразмерно с наличным составом душ в их семействах» [Материалы, 1934, с. 126]. Причем речь шла об участках размерами до 18 дес. на душу, в то время как «у остальных крестьян той же волости» приходилось «в общем расчете до 2 дес. на душу» [Там же]. Зачастую без ведома домохозяев значительно уменьшались их «нормальные наделы по люстрационному списку последней люстрации» [Там же. С. 130] (у Данила Деревянко было 12, теперь записано 8 дес.; у Ивана Супруненко было 6 дес., осталось 3; у Корнея Солонка было 9, ныне записано 6 дес. и мн. др.) [Там же]. Этими отрезками наделялись безземельные жители, которым «вместо вакантной отдана нормальная земля, отнятая у помянутых крестьян, а вакантная земля роздана в добавок тем крестьянам, которые и без того имели достаточные сравнительно по той местности наделы» [Там же]. С алчностью чиновников доводилось сталкиваться едва ли не повсеместно, наблюдая, как беззастенчиво «казенные земли, которые можно было бы предоставить в пользование наиболее нуждающихся крестьян, были обращены в отдельные фермы и розданы в награду членам люстрационной комиссии, Шушерину и правителю канцелярии генерал-губернатора» [ГАРФ. Ф. 109 (3-я экспедиция, 1875 г.). Д. 144. Л. 26–26 об]. А в Боровицкой волости, несмотря «на крайний недостаток земель... из лучшей вакантной земли, бывшей всегда в пользовании крестьян, выделены среди их наделы, ферма, отданная производившему люстрационные работы в с. Боровицы люстратору Аливерову 60 десятин, и церковному причту с. Боровицы 18 дес.» [Материалы ... , 1934, с. 128].

В бессилии от торжествующей несправедливости чигиринским крестьянам оставалось лишь уповать на якобы существующий милостивый царский указ, по которому «следует землю назначить по 5 десятин на душу, но указ этот скрывается местными властями и священниками в церквях на престолах» [ГАРФ. Ф. 109 (3-я экспедиция, 1875 г.). Д. 144. Л. 13 об]. Оставалось неизбежно верить «в доказанную целому миру доброту нашего обожаемого монарха, зная его любовь и доверие к народу своему и заботу о нем» [Крестьянское движение ... , 1968, с. 150], да продолжать держать глухую оборону от разного рода гражданских и полицейских начальников в утопической надежде, что царь самолично приедет или пришлет доверенного генерала, чтобы разобраться с крестьянскими обидами и обидчиками.

Заключение

Таким образом, не сумев реформой убедить крестьян, будто то, что они считали плохим, — это для них хорошо, доказать делами, а не словами, что все перемены содеяны к их же собственному благу, правительство отказалось от дальнейшего переговорного процесса и встало на более привычный для себя путь репрессий, тем более что армия и полиция у власти обычно находятся под рукой. В чигиринских деревнях появились воинские команды, начались реквизиция и продажа имущества за долги, последовали телесные наказания, аресты сотен и ссылки десятков крестьянских активистов. С помощью послушной карательной машины относительный порядок в уезде удалось восстановить, но оставшийся нерешенным аграрный вопрос в бывших казенных имениях Правобережной Украины закладывал фундамент под грядущие народные выступления в обозримом и более отдаленном будущем.

Список источников

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. 109 (3-я экспедиция, 1875 г.). — Д. 144 ; Ф. 109 (3-я экспедиция, 1877 г.). — Д. 262. — Ч. 1, 2 ; Ф. 112. — Оп. 1. — Д. 475–477.
2. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. — Т. 2 : Реализация и последствия реформы. — М. : Изд-во АН СССР, 1958. — 618 с.
3. Дунаева Н. В. Принудительная «крестьянская приватизация» земли и ее правовые последствия // Власть. — 2009. — № 12. — С. 147–151.
4. Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. — М. : Просвещение, 1968. — 368 с.
5. Игнатович И. И. Крестьянские волнения // Великая реформа. — Т. 3. — М. : Изд. т-ва И. Д. Сытина, 1911. — С. 41–65.
6. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. Ч. 2 : Попечительство. Поземельное устройство. — СПб. : Скоропеч. Яблонский и Перотт, 1888. — 287 с.
7. Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. : сб. документов / под ред. П. А. Зайончковского. — М. : Наука, 1968. — 613 с.
8. Крестьянское движение. 1827–869 гг. — Вып. 2 / подгот. Е. А. Мороховец. — М. ; Л. : Соцэкгиз, 1931. — 222 с.
9. Лекке М. Внутренние колонии — пестрые окраины: Украина и Беларусь, Малороссия и Белороссия в произведениях А. И. Куприна // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. — М. : Новое литературное обозрение, 2012. — С. 552–586.
10. Литвак Б. Г. Крестьянское движение в России 1775–1904 гг. История и методика изучения источников. — М. : Наука, 1989. — 256 с.
11. Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. — М. : Политиздат, 1991. — 302 с.
12. Мауль В. Я. Как поссорились Иван Иванович с Егором Гавриловичем (из истории якутской политической ссылки) // Вестник Томского государственного университета. История. — 2017а. — № 48. — С. 80–87.
13. Мауль В. Я. Лазарь Тененик на воле и в неволе (судьба крестьянского вожака «Чигиринского заговора») // Вестник Рязанского государственного университета. — 2017б. — № 1 (54). — С. 7–17.
14. Мауль В. Я. «Чигиринский заговор» и крестьянская психология // Quaestio Rossica. — 2017в. — Т. 5, № 1. — С. 221–240.
15. Мауль В. Я. Чигиринские вольнодумцы в поисках крестьянской правды // Quaestio Rossica. — 2020. — Т. 8, № 4. — С. 1321–1334.
16. Милевский О. А. «Маленькая» личность на фоне больших чигиринских событий: судьба сельского учителя Ильи Фролова // Исторический журнал: научные исследования. — 2016. — № 5 (35). — С. 553–562.
17. Милевский О. А., Терехова С. А. На пути к «Чигиринскому заговору»: ранняя революционная деятельность Я. В. Стефановича // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2020. — № 3 (66). — С. 72–90.
18. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС (Я)). — Ф. 12. Оп. 15. — Д. 61.
19. Орленко Н. С., Орленко Н. Н. Хутор Новочигиринский: История возникновения и первые жители. — Екатеринбург : Издательские решения, 2018. — 36 с.
20. Пойда Д. П. Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). — Днепрпетровск : Днепрпетр. обл. изд-во, 1960. — 488 с.
21. Сборник постановлений по поземельному устройству государственных крестьян в губерниях: Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской. — СПб. : [б.и.], 1868. — 219 с.
22. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912 гг.) / сост. Г. К. Гинс, П. А. Шафранов. — Пг. : Канцелярия Главноупр. землеустройством и земледелием, 1914. — 397 с.

23. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России: по данным обследования, произведенного статистическими учреждениями Министерства внутренних дел, по поручению Статистического совета. — Вып. 3 : Губернии малороссийские и юго-западные. — СПб. : Тип. МВД, 1884. — 218 с.
24. Терехова С. А. Из истории аграрного движения в Чигиринском уезде Киевской губернии в начале 70-х гг. XIX в.: крестьянский вожак Ф. Д. Прядко // *Культура, наука, образование: проблемы и перспективы* : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. — Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013. — Ч. 2. — С. 191–193.
25. Терехова С. А. Революционеры-народники и идея «народного монархизма» (на примере «Чигиринского заговора») : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. — Сургут, 2016. — 253 с.
26. Христофоров И. А. Между частным и казенным: крестьянская реформа в государственной деревне, либеральная доктрина и споры о собственности // *Российская история*. — 2011. — № 2. — С. 93–109.
27. Лещенко М. Н. Класова боротьба в українському селі в епоху домонополістичного капіталізму (60–90 рр. XIX ст.). — Київ : Наукова думка, 1970. — 304 с.
28. Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.) / за ред. К. Гребенкіна. — Харків : Видання Центрального архівного управління УСРР, 1934. — 440 с.
29. Мицик Ю. А. Чигирин — гетьманська столиця. — Київ : Києво-Могилянська академія, 2007. — 392 с.
30. Присяжнюк Ю. П. Соціальне становище українського селянства Правобережної України в 60–90 рр. XIX ст. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01. — Донецьк, 1997. — 21 с.
31. Центральний Державний Історичний Архів України (ЦДІАК України). — Ф. 127. — Оп. 1012. — Д. 3001.
32. Шандра В. С. Генерал-губернаторства в Україні: XIX — початок XX століття. — Київ : НАН України. Ін-т історії України, 2005. — 427 с.

References

1. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. F. 109 (Expedition 3, 1875), D. 144 ; F. 109 (Expedition 3, 1877), D. 262, Ch. 1, 2 ; F. 112, Op. 1. D. 475–477. (In Russian)
2. Druzhinin N. M. *Gosudarstvennye krest'jane i reforma P. D. Kiseleva. Tom 2 : Realizacija i posledstviya reformy* [State Peasants and P. D. Kiselev's Reform. Vol. 2: The Implementation and the Consequences of the Reform]. Moscow, Academy of the Soviet Union Publ., 1958, 618 p. (In Russian).
3. Dunaeva N. V. Compulsory Land Privatization and its Legal Effects. *Vlast' [Power]*. 2009, no. 12, pp. 147–151. (In Russian).
4. ajonchkovskij P. A. *Otmena krepostnogo prava v Rossii* [Emancipation of Serfdom in Russia]. Moscow, Enlightenment Publ., 1968, 368 p. (In Russian).
5. Ignatovich I. I. Peasant Revolts. *Velikaja reforma* [The Great Reform]. Moscow, I. D. Sytin Publ., 1911, pp. 41–65. (In Russian).
6. *Istoricheskoe obozrenie pjatidesjatiletnej dejatel'nosti Ministerstva gosudarstvennyh imushhestv. 1837–1887. Chast 2 : Popечitel'stvo. Pozemel'noe ustrojstvo* [A Historical Overview of Fifty Years of Work of the Ministry of State Property]. St. Petersburg, Jablonskij and Perott Publ., 1888, 287 p. (In Russian).
7. Zajonchkovsky P. A. (ed.). *Krest'janskoe dvizhenie v Rossii v 1870–1880 gody* [Peasant Movement in Russia in 1870–1880]. Moscow, Science Publ., 1968, 613 p. (In Russian).
8. Morohovec E. A. (comp.). *Krest'janskoe dvizhenie. 1827–869 gody* [Peasant Movement. 1827–869]. Moscow, Leningrad, Socjkgiz Publ., 1931, iss. 2, 222 p. (In Russian).
9. Lekke M. Inner Colonies — Diverse Districts: Ukraine, Belarus, Little Russia and Belorussia in A. I. Kuprin's Works. *Tam, vnutri. Praktiki vnutrennej kolonizacii v kul'turnoj istorii Rossii* [There, Inside. Inner Colonization in Russian Cultural History]. Moscow, New Literary Observer Publ., 2012, pp. 552–586. (In Russian).
10. Litvak B. G. *Krest'janskoe dvizhenie v Rossii 1775–1904 gody. Istorija i metodika izuchenija istochnikov* [Peasant Movement in Russia in 1775–1904. History and Source Study Methodology]. Moscow, Science Publ., 1989, 256 p. (In Russian).
11. Litvak B. G. *Perevorot 1861 goda v Rossii: pochemu ne realizovalas' reformatorskaja al'ternativa* [The 1861 Revolt in Russia; Why the Reform didn't Work]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, 302 p. (In Russian).
12. Maul' V. Ja. As Ivan Ivanovich Quarrelled with Yegor Gavrilovich (a history of Yakutsk political exile). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Bulletin of Tomsk State University]. 2017a, no. 48, pp. 80–87. (In Russian).
13. Maul' V. Ja. Lazar Tenenik: Free and in Captivity (the Fate of the Chigirino Conspiracy Leader). *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Ryazan State University]. 2017b, no. 1 (54), pp. 7–17. (In Russian).
14. Maul' V. Ja. Chigirino Conspiracy and Peasant Psychology. *Quaestio Rossica*, 2017v, vol. 5, no. 1, pp. 221–240. (In Russian).

15. Maul' V. Ja. Chigirino Freethinkers Searching for Peasant Truth. *Quaestio Rossica*. 2020, vol. 8, no. 4, pp. 1321–1334. (In Russian).
16. Milevskij O. A. Little People at the Background of Bug Chigirino Events: the Fate of a Rural Teacher Ilija Frolov. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovanija* [Historical Journal: Scholarly Research]. 2016, no. 5 (35), pp. 553–562. (In Russian).
17. Milevskij O. A., Terehova S. A. on the Path to the Chigirino Conspiracy: Ya. V. Stefanovich's Early Revolutionary Activities. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Surgut State Pedagogical University]. 2020, no. 3 (66), pp. 72–90. (In Russian).
18. *Nacional'nyj arhiv Respubliki Saha (Jakutija) (NARS (Ja))* [National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya))]. F. 12. Op. 15, D. 61. (In Russian).
19. Orlenko N. S., Orlenko N. N. *Hutor Novochigirinovskij: Istorija vznikovenija i pervye zhiteli* [Novochigirino Farm: the History and the First Dwellers], Yekaterinburg, Publishing Solutions Publ., 2018, 36 p. (In Russian).
20. Pojda D. P. *Krest'janskoe dvizhenie na Pravoberezhnoj Ukraine v poreformennyj period (1866–1900 gody.)* [Peasant Movement in Right Bank Ukraine in Post-reform Russia]. Dnepropetrovsk, Dnepropetrovsk Region Publishing House Publ., 1960, 488 p. (In Russian).
21. *Sbornik postanovlenij po pozemel'nomu ustrojstvu gosudarstvennyh krest'jan v gubernijah: Vilenskoj, Vitebskoj, Volynskoj, Grodnenskoj, Kievskoj, Kovenskoj, Minskoj, Mogilevskoj i Podol'skoj* [Collected Statements on State Peasant Land Management in Provinces: Wielen, Vitebsk. Grodno, Kiev, Kaunas, Minsk, Mogilev, Podolsk]. St. Petersburg, 1868, 219 s.
22. Gins G. K., Shafranov P. A. (comps.). *Sel'skohozjajstvennoe vedomstvo za 75 let ego dejatel'nosti (1837–1912 gody)* [Agricultural Ministry and 75 Years of Work (1837–1912)]. Petrograd, Department of Agriculture and Land Development Publ., 1914, 397 p. (In Russian).
23. *Statistika pozemel'noj sobstvennosti i naseleennyh mest Evropejskoj Rossii: po dannym obsledovanija, proizvedennogo statisticheskimi uchrezhdenijami Ministerstva vnutrennih del, po porucheniju Statisticheskogo soveta* [The Statistics of Land Ownership and Settlement in European Russia on the Basis of Data Collected by the Statistics Department of the Ministry of Internal Affairs on behalf of the Statistics Council]. St. Petersburg, Ministry of Internal Affairs Publ., 1884, iss. 3 : Provinces of Little Russia and Southwestern Russia, 218 p. (In Russian).
24. Terehova S. A. The History of Agrarian Movement in the Chigirino Uezd of the Kiev Province in the Early 1870s: F. D. Pryadko, a Peasant Leader. *Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy : materialy II Vserossijskoj nauchno-prakicheskoi konferencii* [Culture, Science, Education: Problems and Prospects: Proceedings of the 2nd All-Russian Research Conference]. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk State University Publ., 2013, part 2, pp. 191–193. (In Russian).
25. Terehova S. A. *Revoljucionery-narodniki i ideja «narodnogo monarhizma» (na primere «Chigirinskogo zagovora»)* [Revolutionary Populists and the Idea of People's Monarchy (at the example of the Chigirino Conspiracy)]. Surgut, 2016, 253 p. (In Russian).
26. Hristoforov I. A. The Private and State-owned: the Peasant Reform in State Villages. Liberal Doctrines and Property Disputes. *Rossijskaja istorija* [Russian History]. 2011, no. 2, pp. 93–109. (In Russian).
27. Leshhenko M. N. Класова боротьба в українському селі в епоху домонополістичного капіталізму (1860–1890), Київ, Наукова думка Publ., 1970, 304 p. (In Ukrainian).
28. Grebenkin K. (ed.). Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879). Харків, Видання Центрального архівного управління УСРР Publ., 1934, 440 p. (In Ukrainian).
29. Місик Ю. А. Чигирин — гетьманська столиця. Київ, Києво-Могилянська академія Publ., 2007. In Ukrainian).
30. Priszajzhnjuk Ju. P. Соціальне становище українського селянства Правобережної України в 1860–1890, Донецьк, 1997, 21 p. (In Ukrainian).
31. Центральний Державний Історичний Архів України (ЦДІАК України). Ф. 127, Оп. 1012. (In Ukrainian).
32. Shandra V. S. Генерал-губернаторства в Україні: XIX — початок XX століття. Київ, НАН України. Ін-т історії України Publ., 2005, 427 p. (In Ukrainian).

Информация об авторе

Мауль Виктор Яковлевич — доктор исторических наук, профессор Тюменского промышленного университета.

Сфера научных интересов: русский бунт, самозванцы, социокультурная история, методология и историография истории.

Information about the author

Maul Viktor Yakovlevich — Doctor of History, Professor at Tyumen Industrial University.

Research interests — Russian revolt, imposters, sociocultural history, historical methodology and historiography.

Статья поступила в редакцию 07.02.2021; одобрена после рецензирования 22.02.2021; принята к публикации 27.02.2021.

The article was submitted 07.02.2021; approved after reviewing 22.02.2021; accepted for publication 27.02.2021.